

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

КОМПЛЕКТ
ИЗ 3-Х КНИГ

Владимир Сергеевич Березин

Небудущее, СНТ, Пентаграмма Осоавиахима.

Комплект из 3 книг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74358426

ISBN 978-5-389-34021-3

Аннотация

В данный комплект вошли три романа Владимира Березина:

1. Небудущее: В некоторых языках, у австралийских племён и народов Севера, существует грамматическое время «небудущее». Мистика происходит «сейчас» и «уже», а вот будущее далеко и неопределённо. Чудо живёт в настоящем, которое только притворяется будущим. Герои Владимира Березина, знакомые по «СНТ» и «Пентаграмме Осоавиахима», во главе с Владимиром Раевским видят преображённое настоящее, расходящееся, как тропки в саду Борхеса. Это мир, в котором победили не большевики, а толстовцы; кофе запрещён как наркотик. Среди северной равнины стоит бетонный волк, а в тихой городской воде живёт Царь рыб, смерть приходит к шахматистам, требуя доиграть старую партию, а гармонист спасает человечество от безумных идей страшного карлика. За всем этим отрешённо наблюдает со своего постаменты бронзовый Розенталь. Возможно, то, что

сегодня выглядит диковиной и фантастическим допущением, уже завтра окажется обыденной реальностью. Ведь таков великий закон писателей-демиургов, да и подобные превращения мы видели уже не раз...

2. СНТ: Эта книга – о мистике дачной жизни, а «дача» – слово универсальное. Так называют и участок в садовом (некоммерческом) товариществе, что на указателях сокращают до СНТ, и загородный дом в четыре этажа, и огород с притулившейся в углу времянкой. Её называли по-разному: имением, фазендой или каким-нибудь Монрепо. Три кита держат жизнь успешного человека: дача, квартира и автомобиль. И из них кусок земли, отделённый от мира сеткой-рабицей или каменной стеной, – самый главный. Там дышат почва и судьба. От первых шагов среди высокой травы до смерти меж грядок с зажатой в руке выполотой травой окружает она русского человека. Не действуют в садовом товариществе городские законы, там возникает особое братство или лютая вражда, когда сосед готов пойти на соседа с косой за тень, упавшую на теплицу с помидорами. Герои этой книги – люди разные, тут и академики, и журналисты, и бизнесмены, но объединяет их она – дача. А на даче возможно всё: в лесу вдруг оживает мёртвый слёт каэспэшников, магический предмет захер, спрятанный от посторонних глаз в подвале, преображает время и пространство, а милая семейная пара по соседству выращивает тыквы, чтобы превратить их в тюрьмы для душ.

3. Пентаграмма Осоавиахима: Сегодня всё ещё можно увидеть на некоторых домах Петербурга и Москвы таинственный знак – звезда в окружении шестерёнок, газовых баллонов, пропеллеров, молотков и винтовок. Знак

этот называется «Крепим оборону СССР», он – эмблема Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, существовавшего в СССР в 1927–1948 годах. С 1937 года этой звездой отмечали дома, жильцы которых участвовали в оборонных делах. Теперь это символ законченного советского проекта, загадочным иероглифом проступающий сквозь потрескавшуюся краску.

«Пентаграмма Осоавиахима» – книга о мистическом начале Великого Советского Делания, что было выше любых алхимических экспериментов, в котором сплавлены вместе надежды на справедливость и ужас напрасных жертв, героический труд и жертвенность людей, ошибки, поражения и великие победы. Герои этой книги связаны между собой, но каждый проживает отдельную жизнь. Вот Сурганов отказывается приносить человеческую жертву божеству новых времён – Ктулху. Вот мальчишки Большой Минин и Маленький Ляпунов хотят посмотреть на новую станцию метро, но проваливаются в Москву совсем другой эпохи (будьте осторожны, новые станции не то, чем кажутся!). Вот придуманные героем женщины русской революции вдруг оживают и становятся частью реальности.

Писатель-мистик, как сам себя характеризует Березин, ловко настраивает оптические приборы, да так, что и читатель вслед за ним будет прозревать загадочное в повседневной жизни. Сверхъестественное не является здесь темой или сюжетом, оно смутно угадывается за каждым словом, подобно тому как проступает загадочная звезда на стенах домов.

Содержание

Небудущее	7
(экзамен по русскому)	7
(чёрный кофе)	21
(сайт без урла)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Владимир
Сергеевич Березин
Небудущее, СНТ,
Пентаграмма Осоавиахима.
Комплект из 3 книг**

© В. С. Березин, 2024, 2025, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2024, 2025, 2026

Издательство Азбука®

*** * ***

Небудущее

(Экзамен по русскому)

Иные удивлялись чистоте выговора нашего и приятности наречия, воображая прежде, что русский язык есть не что иное, как варварское лепетанье.

Николай Бестужев. Записки о Голландии 1815 года

Поезд пересёк границу города, и за окном мелькнули огромные фортификационные сооружения, оставшиеся ещё с давних водяных войн во время эпидемии.

Мальчик прилип к окну, наблюдая за горящими на солнце куполами и белыми свечами колоколен. Купола двигались медленно, поезд втягивался под мерцающую огнями даже в дневном свете надпись: «Добро пожаловать! Привет репатриантам!»

Мальчику даже захотелось заплакать, когда в поезде вдруг заиграл встречный марш и все купе наполнились ликующими звуками. Он оглянулся на родителей – отец был торжественен и строг. Мать не плакала, лишь глаза её были красными. Видно было, что для неё, русской по крови, это была не просто репатриация, а возвращение.

Они прошли санитарный контроль и получили из рук по-

границника временные разрешения на проживание. До этого у мальчика никогда не было документов – этот кружок с микрочипом был первым (не считая прошения о сдаче экзаменов с трёхмерной фотографией, на которой он вышел жалким и затравленным зверьком).

Их поселили в просторном общежитии, где семья потратила немало времени, чтобы разобраться с хитроумной сантехникой. Родители притихли: казалось, они сразу устали от впечатлений, а мальчика, наоборот, трясло от возбуждения.

До экзамена были ещё сутки, и он пошёл гулять.

* * *

Прямо у общежития разбит большой сквер с памятником в центре. Мальчик чуть было не спросил у пробегающего мимо такого же мальчика, кому это памятник, но сам вдруг узнал фигуру. Это был памятник Розенталю. Это был человек-легенда, человек-символ.

Именем Розенталя его последователи-ученики вернули в свои права русский язык, и портреты Розенталя висели в каждой школе города. Книги Розенталя члены запрещённого Московского лингвистического кружка хранили, как священные реликвии, а теперь первоиздания лежали под музейным стеклом.

Розенталь был равновелик Кириллу и Мефодию – те дали миру волшебные буквы, а Розенталь утвердил учение о нор-

ме языка и его правилах.

Норма – вот что принёс Розенталь в страну победившего русского языка.

Его портрет присутствовал даже в степной глуши, где жил мальчик. В русской миссионерской школе, стоявшей на вершине одного из курганов, сквозняк трепал портрет Розенталя. Портрет был вырезан из журнала и прибит гвоздиком к стене класса. Человек с высоким лбом, колыхаясь на стене, будто кивал мальчику, а учительница в это время рассказывала, как члены лингвистического кружка устраивали демонстрации у Президентского дворца. И вот уже восставшие брали власть, а вот принимался новый закон о гражданстве. Начиналась новая эра – и отныне всякий, кто говорил по-русски, был русским.

Так в раскалённом котле междоусобиц рождалась новая нация.

Мало было говорить по-русски, нужно было говорить по-русски правильно. Чем правильнее ты говорил, тем лучшим русским ты был.

И если ты по-настоящему знал язык, то рано или поздно ты приходил на древнюю площадь древнего города, и там, под памятником Кириллу и Мефодию, тебя возводили в гражданство Третьего Рима. Не важно было, какой у тебя цвет кожи, стар ты или молод, богат или беден: если ты сдавал экзамен, то становился гражданином. Ты мог выучить язык в тюрьме или среди полярных скал, в полуразрушен-

ных аудиториях Оксфорда или в собственном поместье – не важно, шанс был у всех.

* * *

Мальчик шёл по улицам города своей мечты – он пока ещё боялся пользоваться общественным транспортом. Здесь всё было не похоже на те места, где он родился. А там сейчас, наверное, вспоминают о них – в деревне около заглохших ключей, где дремлет вода. Старики пьют вино и играют в кости и с недоверием переговариваются об их затее. Погонщики-сарматы, сигналив почём зря, ведут через реку длинный и скучный обоз. В гавань, к развалинам порта, причаливают шхуны, неизвестно откуда и неизвестно зачем посетившие этот печальный берег.

Эти места – царство латиницы, хотя об этом знают те, кто научился читать. Старинные вывески с румынскими словами, смысл которых утерян, дребезжат на ветру; латинские буквы можно прочитать на номерах ржавых автомобилей, что вросли в землю на улицах, где трава пробивалась сквозь асфальт.

Мальчику рассказывали, что в те времена, когда с севера шли беженцы, спасаясь от эпидемии, здесь было не протолкнуться, но он не очень верил в сказки стариков. Дедушка Эмиреску вообще говорил, что купил бабушку за корзину помидоров. Больную девушку просто спихнули с телеги ему

под ноги...

Погружённый в воспоминания, мальчик вышел на площадь с обязательной статуей. Там он увидел стайку девочек – их наряды казались мальчику сказочными, словно платья фей. Девочки сговаривались о встрече, и он услышал, как одна, уже убегая, крикнула: «Под Дитмаром, в семь!..»

Мальчик догадался, что имеется в виду какой-то из бесчисленных памятников Розенталю, и неприятно поразился. Ему никогда не пришло бы в голову назвать великого Розенталя просто Дитмаром. Что это за фамильярность? Но он сразу же простил этих волшебных созданий, потому что в этом городе всё должно быть прекрасным, а если ему кажется, что что-то не так, то, значит, он просто пока не разобрался.

После недолгих размышлений мальчик пошёл в музей – разумеется, в Музей военной истории. Он не так удивился системам защиты периметра, что спасали город от внешней опасности, как тому, что в одном из залов увидел дробовой зенитный пулемёт, из которого расстреливали стаи птиц во время эпидемии птичьего гриппа. Точно такой же пулемёт стоял на окраине их деревни – только разбитый и ржавый. Однажды дедушка Эмиреску залез на место стрелка и попытался дать залп, но один из ржавых кривых стволов разорвало, и дедушка навсегда приобрёл кличку Корноухий. Кличку дала бабушка, и, стоя посреди двора, подперев бока руками, долго кричала, объясняя деду незнакомое русское слово.

Мальчик шёл по пустым залам музея – здесь никому не была интересна консервированная война. Город жил своей хлопотливой жизнью, подрагивали стёкла от движения транспорта, и мальчик думал, что вот он здесь свой, этот город – его город.

Осталось только сдать экзамен.

К этому он готовился долгих два года. По вечерам после работы отец тоже читал книжки Розенталя, и мать вслед за ним обновляла свой русский, следуя учебникам из миссионерской школы.

Мальчик учил свод законов Розенталя наизусть. Память мгновенно вбирала в себя оттенки словоупотребления, грамматические правила и исключения, а мальчик только дивился прекрасной сложности этого языка. Мать улыбалась, когда он хвастался ей диктантами без единой ошибки.

Собственно, с диктанта и начинался экзамен на гражданство, а по сути – экзамен по русскому языку.

В документах просто писали «экзамен» – и сразу было понятно, о чём речь. В разрешении на трёхдневное пребывание было сказано: «...для сдачи экзамена», и пограничники понимающе кивали головой.

Сначала диктант, через час – сочинение, и наконец, на второй день, – русский устный.

Ходили слухи, что в зависимости от результатов экзамена новым гражданам выписывают тайные отметки, ставят специальные баллы, которые потом определяют положение в об-

ществе. Мальчик не верил слухам, да и что им было верить, когда во всех справочниках было написано, что оценок всего две – «сдал» и «не сдал».

* * *

Наутро они вместе отправились на экзамен. Взрослых пригласили в отдельный зал, и на всякий случай семья простилась до вечера.

Диктант оказался на удивление лёгким. Лоб мальчика даже покрылся мелкими бисеринами пота от усердия, когда он старательно выписывал буквы так, как они выглядели в старинных прописях, – учительница в миссии предупреждала, что это необязательно, но ему хотелось доказать свою преданность языку.

Потом он выбрал тему сочинения, – впрочем, выбор произошёл мгновенно. Ещё пару месяцев назад, репетируя экзамен, он написал несколько десятков текстов, и теперь что-то из них можно было просто подогнать под объявленное.

Он решил писать об истории. «Отчего нашу Москву называют Третьим Римом» – горела надпись на табло в торце аудитории. Эта тема значилась последней и, стало быть, самой сложной.

И он принялся писать.

Хотя он тысячи раз представлял себе, как это будет, но всё же забыл про план и черновик и сразу принялся писать набе-

ло. Он представлял себе, как в далёком, ныне не существующем городе Пскове, в холодном мраке кельи Спасо-Елизаровского монастыря старец Филофей пишет письма Василию III.

Мальчик старательно вывел заученную давным-давно цитату: «Блюди и внимли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твоё единое, ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не быть. Уже твоё христианское царство иным не останется».

Неведомая сила водила рукой мальчика, и на бумагу сами собой лились чеканные формулировки на настоящем имперском наречии – то есть на правильном русском языке.

Каждый знающий русский язык чувствовал себя подданным этой империи, и Третий Рим незримо простирался за границы Периметра, за охранные сооружения первого и второго кольца. Его легионы стояли на Днепре и на Волге – среди лесов и пустынь, обезлюдевших после эпидемии. Варвары, сидя в болотах и оврагах, в горах и долинах по краю этого мира, с завистью глядели на империю, частью которой готовился стать мальчик. Иногда варвары заманивали русские легионы в ловушки, и от этого рождались песни – про погибшую в горах центурию всё из того же Пскова и про битву с латинянами под Курском. Но чаще легионы огнём и мечом устанавливали порядок, обучая безъязыких истории.

Мальчик, шурша страницами умирающих книг, пытался сравнить себя то с объевшимися мухоморов берсерками, то

с теми римлянами, что пережили свой первый, итальянский Рим и, недоумённо озираясь, разглядывали развалины, среди которых пасутся козы, и прочие следы былого величия. Он отличался от них одним – великим и могучим русским языком, что был сейчас пропуском в новую жизнь.

Семья встретилась у выхода и вместе вернулась домой. Отец был хмур и тревожен, а мать непривычно весела. Мальчик подумал, что им нелегко даётся экзамен. Сам он перед сном прочитал одну главу из Розенталя наугад, просто так – зная, что перед смертью не надышишься, а перед экзаменом не научишься, и быстро уснул.

В темноте он ещё слышал, как мать подходила к кровати и поправляла ему одеяло.

Сны были быстры и радостны, но, проснувшись, он тут же забыл их навсегда.

* * *

Устный экзамен был самым сложным; получив билет, мальчик понял, что два вопроса он знает отлично, один – про древнего академика Щербу и его глокую куздру – хорошо (он с ужасом понял, что не помнит, как ставить ударение в фамилии учёного, и решил подготовить речь, почти не упоминая этой фамилии). Это, собственно, было несложно: «Великий учёный предложил нам...»

Дальше ему выпал рассказ о сакраментальном «одеть» и

«надеть» – знаменитый спор, приведший к расколу в рядах лингвистического кружка. За ним последовали битвы за букву «ё», окончившиеся высылкой, а затем и ликвидацией печально знаменитого оппортуниста Лейбова. Мальчик помнил несколько параграфов учебника, посвящённых этой необходимой тогда жестокости. Но возвращение идеального языка и должно было быть связанным с жертвами.

Дальше шло несколько практических задач – и вот среди них он затруднился с двумя. Это были задачи о согласовании в одной фразе и о правильном употреблении обращения «вы» – с прописной и строчной букв.

Определённо, он помнил это место у Розенталя, помнил даже фактуру бумаги, то, что внизу страницы была сноска, но вот полный список никак не возникал у него в памяти.

Он молился и всё был уже готов отдать за это знание, и вдруг оно выскочило словно чёртик из коробочки в старинной игрушке, что хранил дед Эмиреску в комод.

Кто-то наверху, в небесной выси, принял его неназванную жертву, и ему не задали ни одного дополнительного вопроса.

Он разговаривал с экзаменаторами, поневоле наслаждаясь своим правильным, по-настоящему нормативным языком.

«Назонов» – старинной перьевой ручкой вписал секретарь его фамилию в какой-то специальный лист бумаги. Комиссия не скрывала, что экзамен он сдал, хотя такое полагалось объявлять только после ответа последнего экзамену-

щегося.

Он отправился шататься по улицам. Счастье билось где-то в районе горла, как пойманная птица, и было трудно дышать.

Мальчик даже не сразу нашёл общежитие – так преобразился город в его глазах. Солнце валилось за горизонт, и стоящий в розовых лучах памятник Розенталю, казалось, приветствовал мальчика.

Он рассказал отцу о своей победе, и отец, как оказалось сдавший хуже, но тоже успешно, обнял его – кажется, второй раз в жизни. Первый был шесть лет назад, когда еле живого мальчика вытащили из Истра, уже вдосталь наглотавшегося стылой весенней воды.

Отец обнял его и сразу отстранился:

– Послушай, у нас проблема. Мама...

Мальчик не сразу понял – что могло быть с мамой?

– Она не прошла. Не сдала.

– К-как?!

Это было чувство обиды – случилось что-то несправедливое, и что теперь с этим делать?

– Почему?! Она мало учила? Она плохо выучила, да?

– Так вышло, сынок. Никто не виноват. Не обижай маму, она всё, всю жизнь отдала нам.

– А не надо было всё, зачем нам это всё? Надо, чтобы она была с нами, надо... – Мальчик заплакал. – Это она виновата, она!

Отец молчал.

Наконец мальчик поднял глаза и спросил неуверенно:

– Что же теперь будет?

– Мы остаёмся тут, мы с тобой. Я говорил с мамой, и она считает, что мы должны остаться. У тебя очень хорошие перспективы. Тебе нельзя упускать этого шанса. Мама тоже так считает.

Мальчик стоял неподвижно, а мир вокруг него завертелся. Мир вращался всё быстрее и быстрее, точно так же как мысли в голове. «Но ведь она же русская, русская, вот отец – молдаванин, и теперь их примут в гражданство, а она всегда была русская, её все в деревне так и звали „русская“, и бабушку, когда она была маленькой, дразнили „русской“, потому что она, купленная за помидоры, осела там с первой волной беженцев сразу после начала эпидемии. А вот теперь мама не сдала экзамен, но ведь её обязательно надо принять. Ведь она своя, она русская». Но металлический голос внутри его головы равнодушно отвечал: «Она не сдала экзамен». Кому могла помешать его мать в этом городе, на их Родине?..

Мальчик вошёл к маме. Нет, она не плакала, хотя глаза были красные. Но вот что неприятно поразило мальчика – её руки.

Мать не знала, куда деть руки. Они шевелились у неё на коленях, огромные, красные, с большими, чуть распухшими в суставах пальцами.

Он не мог отвести от них глаз и молчал.

А потом, так и не произнеся ни слова, ушёл в свою ком-

нату.

* * *

На следующий день они провожали её на вокзале – разрешение на пребывание кончалось на закате. Счёт дней по заходу солнца был архаикой, сохранившейся со времён Московского каганата, но он не противоречил законам о русском языке, и его оставили.

Теперь на вокзале уже не было лозунгов, не играла музыка, только лязгало и скрипело на дальних путях какое-то самостоятельно живущее железо, приподнимались и падали вниз лапы автоматических кранов.

Они как-то потеряли дар речи, в этот день русский язык покинул их, и семья общалась прикосновениями.

Мать зашла в пустой вагон, помотала головой в ответ на движение отца: «Нет-нет, не заходите». Но отец всё же втащил в тамбур два баула с подарками – это были подарки, похожие на те, что мальчик находил в курганах рядом с мёртвыми кочевниками. Чтобы в долгом странствии по ту сторону мира им не было скучно, рядом с мертвецами, превратившимися в прах, лежали железные лошадки и оружие, посуда и кувшины. Мама уезжала, и подарки были не утешением, а скорбным напоминанием. Столько всего было недосказано и не будет сказано никогда.

Мальчик понимал, что боль со временем только усилится,

но что-то важное было уже навсегда решено. Потом он будет подыскивать оправдания и, наверное, годы спустя достигнет в этом совершенства – но это годы спустя, потом.

Поезд пискнул своей электронной начинкой, двери герметично закрылись и разделили отъезжающих и остающихся.

Выйдя из здания вокзала, отец и сын почувствовали нарастающее одиночество – они были одни в этом огромном пустом городе, как два подлежащих без сказуемого. Никто не думал о них, никто не знал о них ничего.

Только Дитмар Розенталь на вокзальной площади на всякий случай протягивал им со своего постамента бронзовую книгу.

(чёрный кофе)

*Кофе есть весьма обыкновенное питьё, даёмое и
детям.*

О воспитании и наставлении детей (1783)

– Будете кофе? – Официантка наклонилась к самому уху старика.

Он поднял на неё белые выцветшие глаза и дёрнул плечом. Официантка ненавидела его в этот момент – придётся потратить полчаса, чтобы понять, чего он хочет. Старик приходил каждое утро и заказывал одно и то же: кофе с рогаликом или булочкой. То с рогаликом, то с булочкой. Но что сегодня... И она повторила ещё раз:

– Кофе?

Старик чётко выговорил слова, будто диктор учебного фильма:

– Кофе-малый, вместо рогалика коньяк на два пальца.

Коньяк он мог себе позволить, хотя пил всего два раза в год. Один раз – на День поминовения павших, а второй сегодня, в День милиции. Много лет, как не было никакой милиции, его товарищи давно превратились в пепел, всё переменялось.

И повсюду был кофе, вкус которого он узнал раньше многих. Теперь его можно было попробовать в любой забегаловке – но он застал иные времена.

* * *

Кофе он попробовал лет сорок назад.

* * *

Бронетранспортёр фыркнул, дёрнулся и рванул по проспекту, набирая скорость. Двадцать горошин бились в железном стручке, двадцать голов в сферических шлемах качались из стороны в сторону.

Рашида (тогда его никто ещё не звал Ахмет-ханом) взяли на задание впервые. Все смотрят на тебя как на чужака, все глядят на тебя как на недомерка, ты ничей и никчёмн — это было всего через месяц после натурализации. И поэтому лучше было умереть, чем совершить ошибку.

Грохотал двигатель — тогда на технике стояли ещё дизельные движки, электричество было дорого, — и вот Рашид слушал рёв, обнимал штурмовую винтовку, как девушку, стучал своей головой в шлеме о броню.

— Сейчас, сейчас. — Сержант положил ему руку на плечо. — Сейчас, готовься. Не дрейфь, парень.

Бронетранспортёр ссыпал на углу двух загонщиков, ещё двое побежали к другому концу улицы. Слева переулок, справа забор, впереди одноэтажный шалман. Машина взре-

вела, окуталась сладким дымом и ударила острым носом в стальную неприметную дверь. Отъехала и снова ударила.

Дверь прогнулась и выпала из косяка – туда, в пыль, прыгнули первые бойцы социального обеспечения. Вскипел и оборвался женский крик. Ударили два выстрела. Рашид бежал со всеми, стараясь не споткнуться, – опаздывать нельзя, он молод, он самый младший, и он только что натурализован.

Ему нельзя опоздать.

Коридор был пуст – только два охранника, скорчившись и прижав колени к груди, лежали около развороченного проёма.

В ухо тяжело дышал сержант, резал плечо ремень винтовки.

Группа вышибала двери, проверяла комнаты и наконец уткнулась в новую стальную преграду. Скатали пластиковую колбаску, подожгли – и эта дверь, вынесенная взрывом, рухнула внутрь.

Сопротивления уже не было. Трое в комнате подняли руки, четвёртая – женщина – билась в истерике на полу.

На столе перед ними было то, за чем пришли бойцы. Ради этого несколько месяцев плели паутину капитаны и майоры, ради чего сержант мучил Рашида весь этот месяц.

В аккуратных пластиковых пакетах лежал коричневый порошок. Сержант наколол один из пакетов штык-ножом.

– Запомни, парень, – это и есть настоящий кофе. Лизни

давай.

Рашид послушно лизнул – на языке осталась горечь.

– Противный вкус.

– Ну так без воды его никто не принимает.

И горький вкус остался на языке Рашида навсегда.

Прошло много лет.

Он видел много кофейных притонов – он видел, как в развалинах на юге города нищие наркоманы кипятят кофейный порошок на перевёрнутом утюге. Он видел, как изнеженные юнцы в дорогих клубах удаляются в туалет, чтобы в специальном окошке получить от дилера стакан кофе.

Потом картинка менялась – юнцы сначала хамили, потом сдавали друзей и приятелей, оптом и в розницу торгуя их фамилиями. Потом за ними приезжал длинный, как такса, электрокар с тонированными стёклами. Дело закрывали, а менее хамоватые и менее благородные посетители клубов отправлялись на кабельные работы.

Нищие кофеманы обычно молчали – терять им было нечего.

Коричневая смерть – вот что ненавидел Рашид Ахмет-хан. Тогда его ещё звали так, ещё год – и он сменит имя, он станет полноправным гражданином Третьего Рима. И никто не попрекнёт его происхождением.

А происхождение мешало, особенно на службе в Министерстве социального обеспечения. Кофе давно звали мусульманским вином.

Это был яд, который приходил с юга: там, на тайных плантациях, зрели зёрна. Там кофе сортировали, жарили и мололи.

На подпольных заводах стояли рядами кофемолки, перетирая кофе в коричневую пыль и удваивая его стоимость.

С юга текли коричневые контрабандные ручьи – вакуумным способом пакованные брикеты кофе перекидывали через границу с помощью примитивных катапульти, переправляли специальными воздушными шарами.

И каждый метр на этом пути всё более увеличивал стоимость коричневой смерти. Смерть двигалась к северу, западная в целлофан, будто в саван.

Человек не мог пройти через границу – умные мины превращали курьера в перетёртое мясо без взрыва. Но поток с юга, казалось, не нуждался в людях. Люди появлялись потом, когда возникали потребители, когда перекупщики сменялись покупателями.

Банды кофейников с окраин сходились на сборища, назначали своих смотрящих, выставляли дозоры. На любое движение сил Министерства социального обеспечения они отвечали своим незаметным, но действенным движением.

Ахмет-хан хорошо знал историю коричневого порошка. Для него он был навсегда связан с рабством – везде, где был кофе в старом мире, там плантация была залита потом и кровью раба. Миллионы работников, имен которых он никогда не знал и в правильности национальности которых можно

было усомниться, положили свою жизнь за кофе. И вот это Ахмет-хан знал очень хорошо.

Коричневый бизнес был неистребим.

Не так давно начальство сообщило им, трудягам нижнего звена, что пришла новая эра.

Оказалось, что три студента-химика успешно выделили из кофейного сусла экстракт, который не нужно никуда возить. Они, повторив чикагский эксперимент Сатори Като, научились экстрагировать из кофе главную составляющую – белые кристаллы.

Один студент тут же погиб, попробовав продукт и по недоразумению превысив дозу. Двое других умерли через два дня при невыясненных обстоятельствах.

Но факт оставался фактом – теперь все жили по-новому.

Уходило старое время подпольных кофеен. Уходит время аромата и запаха, споров о том, нужен ли сахарный порошок, и если да – сколько его положить в кофейник.

Время ушло, и бандиты старого образца уступали место промышленной корпорации. Кофемахеры в кафтанах на голое тело, колдовавшие над раскалёнными песочными ящиками в потайных местах метрополитена, вытеснялись химиками в белых халатах.

* * *

Хейфец был человек с дипломом. Он получал особые сти-

пендии, сутками не вылезал из библиотек – но по виду был похож на маленького мальчика, заблудившегося среди стеллажей. Четыре года он рисовал молекулярные цепочки, четыре года он складывал и вычитал, множились в его голове диаграммы состояний. Плавление и кипение бурлили в его мозгах – да только главными были алкалоиды, и триметилксантин в частности.

Людьми двигал кофеин – два кольца, кислородные и метильные группы, – все было просто, как в учебнике, но Хейфец понимал, что ему нет пути в этот внешне простой мир. Тайный, обширный мир кофейных корпораций. Его знакомый, делая плановый опыт по метилированию теобромина, вдруг получил белые кристаллы – опрометчиво, хоть и невнятно, похвастался на кафедре. Он пропал не на следующий день, а через несколько часов. Ни тела, ни следов его никто не нашёл. Гриша Хейфец тогда сделал для себя вывод – цивилизация не хочет удешевления продукта, она хочет, чтобы продукт был дорогим. Вот что нужно глупому человечеству, которое не улучшить.

По крайней мере, улучшение человечества в Гришины планы не входило.

Он только внешне походил на мальчика, он даже отзывался, если его так окликали, но внутри работали рациональные схемы – весь мир описывался цепочками химических реакций.

Его друзья, так же как он, тайно экспериментировали с

кофейным зерном – работать приходилось ювелирно, чтобы обмануть телекамеры, моргавшие из каждого угла. Друзья сублимировали воду из коричневого порошка, меняя давление и температурный режим. Это нарушало его картину мира – кофе должен был дорожать, а не дешеветь.

Поэтому он как бы случайно проговорился знакомой на вечеринке – шестерёнки невидимого механизма лязгнули, встали в новое положение и снова начали движение.

Мальчик Гриша внезапно поменял тему работы. Ушёл к биологам в другой экспериментальный корпус, а вскоре снял для экспериментов маленький домик рядом с университетом.

* * *

Осведомитель переминался на крыльце – его положение было незавидным. Информация оказалась ложной, дом был чист, не было в нём решительно ничего, кроме мебели, пыли и продавленных диванов. И сомневаться не приходилось. Ахмет-хан сам вёл зачистку. Дом был пуст, но брошен недавно – даже кресло хранило отпечаток чьего-то тощего полукружия.

В подвале было подозрительно пусто – пахло помётом, по виду кошачьим. Но кошки разбежались, покинув клетки, сорвав занавески и исцарапав подоконник. На газоанализаторе мигал зелёный огонёк, мерно и неторопливо.

Ахмет-хан привалился к стене. Дело в том, что в доме тут и там гроздьями висел чеснок. Гирлянды чеснока струились по рамам, колыхались на нитках, свисавших с потолка.

Это было подозрительно – чесноком часто отбивали кофейный запах. Чеснок сбивал с толку служебных собак, да и газоанализатор в присутствии чеснока работал нечётко. Только пристанешь к хозяевам, ткнёшь пальцем в гирлянды и связки – тебе скажут, что боятся комаров. Комары – это был известный миф о существах, сосущих кровь по ночам. Комары приходили в сумерках и успевали до утра свести с ума укушенных и лишённых крови людей.

Никто не верил в комаров до конца, никто не мог понять, есть ли они на самом деле. В комиксах их представляли то как людей с крыльями, то как страшных зубастых монстров. Внутри телевизионного ящика то и дело появлялись люди, видевшие комаров, – но они показывались, как и сами комары, только после полуночи, в передачах сомнительных и недостоверных. Некоторые демонстрировали следы укусов по всему телу – но Ахмет-хан не верил никому.

Он верил только в одно – что чеснок в Городе используется для того, чтобы отбить запах. Это знает всякий. И чаще всего он используется, чтобы отбить запах кофе.

Кофе – вот что искала его группа социального обеспечения. Но подвал был чист.

За окном нарезала круги большая птица, нет, не птица – это вертолёт-газоанализатор барражировал над кварталом.

И всё равно – не было никакого толка от техники.

Оставалось только взять пробы и нести нюхачам в Собес. Там несколько пожилых ветеранов, помнящих ещё довоенные времена свободной продажи кофе, на запах определяли примеси – ходили слухи, что лейтенант Пепперштейн мог отличить по запаху арабику от робусты. Но никто, впрочем, не доверял этой легенде.

* * *

Всё дело было в том, что Ахмет-хану было действительно нечего искать в подвале – потому что всё самое ценное оттуда вынес мальчик Гриша.

Гриша прошёл по улице до угла спокойным шагом вразвалочку. Он издавна усвоил правило, гласившее: если сделал что-то незаконное, иди медленно, иди не торопясь, иначе кинутся на тебя добропорядочные граждане и сдадут куда надо.

Но, пройдя так два квартала, он не выдержал – и побежал стремглав, кутая что-то краем куртки.

Мальчик Хейфец бежал по улице не оглядываясь. Не спасёт ничто – ни вера, ни прошлые заслуги отца, первого члена Верховного совета, потому что он работал на ставших притчей во языцех хозяев кофемафии.

А на груди у него, будто спартанский лисёнок, копошился пушистый зверок.

Этого зверка искали арабы и робусты и дали бы за него столько, что Грише не потратить ни за пять лет, ни за десять, – да только Гриша знал, что не успеет он потратить и сотой доли, как его найдут с дыркой в животе, с кофейной гущей в глотке. Так казнили предателей, а предателем Гриша не был.

Он бежал по улице и радовался, что дождь смывает все запахи – дождь падает стеной, соединяя небо и землю. Шлёпая по водяному потоку, водопадом падающему в переход, Хейфец пробежал тёмным кафельным путём, нырнул в техническую дверцу и пошёл уже медленно. Над головой гудели кабели, помаргивали тусклые лампы.

Зверок копошился, царапал грудь коготком.

Хейфец остановился у металлической лесенки, перевёл дух и начал подниматься. Там его уже ждали, подали руку (он отказался, боясь выронить зверка), провели куда нужно, посадили на диван.

И вот к нему вышел Вася Робуста:

– Спас кошку?

Хейфец вместо ответа расстегнул куртку и пустил зверка на стол. Зверок чихнул и нагадил прямо на пепельницу.

Вася Робуста сделал лёгкое движение, и рядом вырос подтянутый человек в костюме:

– Владимир Павлович, принесите кошке ягод... Свежих, конечно. И поглядите – что там.

Подтянутый человек ловким движением достал очень

тонкий и очень длинный нож и поковырялся им в кучке. Наконец он подцепил что-то ножом и подал хозяину уже в салфетке.

Вася Робуста кивнул, и перед зверком насыпали горку красных ягод.

Зверок, которого называли кошкой, покрутил хвостом, приняхался и принялся жрать кофейные ягоды.

В этот момент Хейфец понял, что материальные проблемы его жизни решены навсегда.

* * *

Ахмет-хан сидел в лаборатории Собеса и стаканами пил воду высокой очистки. Старик Пепперштейн ушёл, и пробы для анализа принимал его сверстник Бугров.

Он звал его по-прежнему – Рашидом, и Ахмет-хан не обижался. У них обоих была схожая судьба: недавняя натурализация, ни семьи, ни денег – один Собес с его государственной службой.

У Бугрова в витринах, опоясывающих комнату, были собраны во множестве кофейные реликвии – старинные медные ковшики, на которых кофе готовился на открытом огне и в песочных ящиках, удивительной красоты сосуды из термостойкого цветного стекла, фильтрационные аппараты, конусы на ножках или фильтр, что ставили когда-то непосредственно на чашку, электрические кофеварки, в которые

непонятно было, что и куда заливать и засыпать.

Чудной аппарат блистал в углу хромированным боком. Этот аппарат состоял из двух частей, и водяной пар путешествовал по нему снизу вверх – через молотый кофе. Набравшись запаха и кофейной силы, этот пар транспортировал их в верхнюю часть.

Старик Пепперштейн рассказывал сослуживцам, что по цвету кофейной шапки из этого аппарата он может определить стоимость и состав кофе до первого знака после запятой.

Но кто теперь смотрит на эти шапки – в эпоху растворимых кристаллов и суррогатного порошка.

– Ты слышал про легалайс? – спросил Бугров, наливая ещё воды.

– Про это дело много кто слышал, да только непонятно, что с этим будет. Вчера на совещании говорили, решён вопрос со слабокофейными коктейлями. Это всё, конечно, отвратительно.

– Знаешь, я иногда думаю, что кофе нам ниспослан сверху – чтобы регулировать здоровье нации. – Бугров был циничен, проработав судмедэкспертом десять лет. – Я вскрывал настоящих кофеманов, а ты только на переподготовке слышал, какая у них сердечно-сосудистая, а я вот своими руками щупал. Всех, у кого постоянная экстрасистолия, можно сажать.

Иногда я думаю, что наше общество напоминает котелок

на огне: вскипит супчик, зальёт огонь и снова кипит. Я бы кофеманов разводил – если бы их не было. Да ты не крути головой, тут не прослушивается; а хоть бы и прослушивали – куда без нас?

Мы состаримся, и над нами юнцы жажнут в небо, как и положено на кладбище ветеранов, и всё – потому что нас некуда разжаловать. А вернее, никто не пойдёт на наше место.

Ахмет-хан соглашался с Бугровым внутри, но не хотел выпускать этого согласия наружу. Он был честным солдатом армии, которая воевала с кофеманами. Общество постановило считать кофеманов врагами, и надо было согнуть кофеманов под ярмо закона.

Это было справедливо – потому что общество, измученное переходным периодом и ещё не забывшее ужас Южной войны, нуждалось в порядке. Оно нуждалось в законе, каким бы абсурдным он ни казался.

Сам Ахмет-хан мог бы привести десяток аргументов, но главным был этот – невысказанный.

Красные глаза кофеманов, их инфаркты, воровство в поисках дозы – всё это было.

Но главным был общественный запрет. Нет – значит нет.
– Бугров, я сегодня видел странное место. Ни запаха, ни звука. Нет кофе в доме. А по всем наводкам это самое охраняемое место Васи Робусты.

– Бывает, – ответил Бугров, прихлебывая воду. – Может, запасная нора.

– Да нет, у меня чутьё на это. И подвал весь загажен. Клетки, правда, пустые. – Тут Ахмет-хан поднял глаза на Бугрова и удивился произошедшей в нём перемене.

– Клетка, говоришь... А большая клетка?

– Метр на метр. Их там две было – обе пустые, загажено всё...

Бугров поднялся и включил экран в полстены:

– Вот кто жил в твоём подвале.

Мохнатые звери копошились на экране, дёргали полосатыми хвостами, совали нос в камеру.

– Это виверра, дружок. С этой виверрой Вася Робуста делает половину своего бизнеса – она жрёт кофейные плоды и ими гадит. Их желудочный сок выщелачивает белки из кофейных зёрен, а само зерно остаётся целым. Цепочки белков становятся короче... А впрочем, это спорно. Главное, что одно зёрнышко, пропущенное через виверру, стоит больше, чем мы с тобой заработаем за год. Я тебе скажу: если бы ты поймал виверру, то был бы завтра майором.

– Ты думаешь, мне хочется быть майором?

Бугров посмотрел на него серьёзно:

– Если бы я думал, что хочется, не стал бы тебя расстраивать. Наша с тобой служба – что рассветы встречать: вечная. А человечество несовершенно – всё в рот тянет. Да много ли съест наша виверра, а?

Ахмет-хан вздохнул – жизнь почти прожита. Он помнил, как работал под прикрытием и в низких сводчатых залах сам

молот кофе для посетителей. Он помнил старых гадателей, которые ходили между столами и предсказывали будущее по гуще. Гущи было много, и хотя глотать её не принято, но для вкуса настоящего кофе, густого и терпкого, плотного и похожего на сметану, она была необходима.

Тогда гуща текла из фарфоровой чашки, чародей отшатылся, смотрел на Ахмет-хана безумными глазами – а в подпольную кофейню уже вбегали десантники Собеса, кладя посетителей на пол...

И вот жизнь ему показывала снова, что все логические конструкции искусственны, а люди ищут только способ обмануться.

Он посмотрел ещё раз в глаза виверре, что кривлялась и прыгала на экране, и решил, что оставит её живого собрата в покое.

* * *

Хейфец смотрел на старика за соседним столиком, ожидая официантку. Известно было, что старик приходит в кофейню каждое утро. В этот раз он заказал коньяк, – видимо, день рождения или кто-то умер. У таких людей одинаковы и праздники, и похороны.

Хейфец всегда точно опознавал таких – тоска в глазах, свойственная всем не-нативам Третьего Рима. Но у этого была прямая спина: видимо, бывший военный, пенсия невели-

ка, но на утреннюю чашечку чёрного густого кофе хватает.

(сайт без урла)

Владимиру Камаеву

Раевский добирался на церемонию долго и теперь дремал в капсуле, летевшей в тоннеле. По прозрачному колпаку бежали отсветы букв. В самой капсуле он отключил рекламу, хотя тариф от этого возрастал чуть не вдвое. Но Раевский мог себе это позволить. Однако жизнь большого города не отключишь, и по его лицу плыли чужие буквы, будто мухи. Вспыхнула красная строка: «Соамо, Соамо, Соамо...» Это, как он помнил, был какой-то знаменитый художник. Потом стало светло, капсула уже летела через искусственный лес, огней стало меньше, и он открыл глаза.

Похороны были модные – с превращением в дерево. Вдова сама посадила саженец, отчасти состоявший из покойного мужа. Это было недорого – сублимированный прах, модифицированный росток... Подробности Раевского не интересовали – до поры до времени, конечно.

Работники лесного кладбища стояли с лейками наготове. Раевскому тоже дали лейку, и он покорно полил саженец, в который превратился его профессор. Вместе всё выглядело довольно мило: целая роща на краю кладбищенского поля теперь шелестела листьями. Раевский, вернувшись назад и переминаясь во втором ряду, старался не думать, что проис-

ходит в случае второй смерти – естественного умирания дерева. Хотя сейчас повсюду такие технологии, что, кажется, и дерево может быть бессмертным.

Была и другая мода: мёртвое тело отправляли в космос, и там оно превращалось в звёздную пыль. Как вариант рассматривался и метеор, и родственники в назначенный час, вернее, в назначенную секунду смотрели, как их дедушка входит в плотные слои атмосферы.

Раевский, чтобы убыстрить время, думал: «Забавно, если бы похороны проходили как раньше, когда на них мог прийти кто угодно. Вот семья рыдает, всё идёт чинно и торжественно, как у приличных людей. И тут на гроб бросается молодая незнакомка: „Витя, куда ж я без тебя!“ Её уводят, а через три минуты появляется другая – и снова на гроб: „Витя! Витя!“ За ней – третья, четвёртая... На шестой родственники начинают скучать. У некоторых появляются мысли бросить всё и устроить поминки на Мальцевском фудкорте. Сколько стоит сейчас столик на Мальцевском фудкорте? Непонятно. За поминки в антикварных интерьерах сейчас можно умереть. Впрочем, среди этой публики такое невозможно». Раевский посмотрел на очередь с лейками и продолжил: «Вот ещё интересная тема – представление об удачной смерти. Сейчас это чистая больничная палата и множество родственников с одухотворёнными лицами (две трети на экранах). Нет, есть ещё тип смерти в бою, за други своя – так обычно герой второго плана направляет свой космиче-

ский истребитель в центр инопланетного звездолёта.

Или смерть на природе. Где-то читал про старика, что переходит в иное измерение в саду под кустом».

Очередь заканчивалась, и скоро можно будет уйти. Но нет, со стороны появилась группа коллег, кажется, это начальство – судя по тому, как вытянулись приглашённые рядом. Распрямился и он, но продолжил думать о своём.

Раевскому всегда был сомнителен пафос мужского мифа «умер на женщине – настоящий мужик». Он понимал, что известное напряжение сил провоцирует такой исход, но не все так стильно, как может показаться. У этого пафоса, имеющего давние корни (например, легендарная история о каком-то генерале, скончавшемся у веселой дамы в гостинице, а, понятное дело, сам миф о красоте такой смерти куда древнее), есть и обратная сторона – с престарелым мертвецом разберутся высшие силы, но вот какво женщине в объятиях коченеющего любовника? Понятно, правда, что в прежние времена с мнением женщины по этому поводу никто не считался. Раевский наблюдал след этого образа в застольях, в каких-то архаичных горских тостах, вообще в представлениях о «хорошей смерти».

Нет уж, прочь-прочь, мужские радости. Да здравствует грядка с огурцами и тихая смерть грибника в лесу! В идеале нужно, чтобы тело съели ежи, но это уж не всякому повезёт. Где сейчас взять неvirtуальный лес – непонятно.

Друг его говорил, что единственный выход – одиночное

подводное плавание с аквалангом.

В результате от человека не остаётся вообще ничего. Какой-то юрист Корпорации так нырнул, и не поймёшь – то ли он теперь живёт в безлюдных землях, то ли его давно съела морская живность.

Так или иначе, для мёртвых вокруг было мало места, а людей расплодилось много. И из этого множества вышло изрядное количество людей изобретательных. С их помощью и мёртвые, и живые занимали немного места в своих чело-вейниках.

Даже не скажешь, с кем проще – с живыми или с мёртвыми. Сам Раевский работал в Корпорации на месте покойного профессора и заведовал группой топографических разработок. Он знал, что живые подчиняются приказам точно так же, как мёртвое тело – силе носильщиков. Не нужно запрещать перемещения, проще сделать так, чтобы они стали неудобными. Вот как сейчас – на похороны пришло немного людей, потому что просто дорого ехать. Проще посмотреть ролик, произнести в микрофон печальную речь, которую услышат все на кладбище, при этом оратор продолжит сидеть на своём диване. Потом встанет и примется за домашние дела.

К Раевскому подошла вдова. Пока он кланялся ей, она вдруг взяла его за руку и быстро сказала:

– Виктор Петрович очень хорошо отзывался о вас. Он вас любил, вы единственный, кто был с ним на «ты». Виктор

Петрович отправит вам отложенное послание на сороковой день.

– Отложенное послание? Да-да, конечно.

Это было неприятно. Даже очень неприятно. Кажется, Раевского хотели назначить сетевым помощником-распорядителем. Чем-то вроде душеприказчика, только не касавшегося денег и прочего имущества. Распорядитель ходил по Сети и помечал аккаунты покойного в социальных сетях. Он был своего рода вестником смерти. Ничего мистического, это делалось только для того, чтобы люди знали, что Виктор Петрович скончался, и изменили форму комментариев на день рождения. И отказаться от такого нельзя, от посмертных просьб не отказываются.

– Там много работы?

– Что вы, – отвечала жена, – теперь почти всё делается автоматически. Но вы – любимый ученик, и, может, вам будет приятно...

«Ну да, приятно! – подумал Раевский с раздражением. – Убьёшь полдня, и ведь половину выходного дня. На работе этим заниматься не дадут».

Впрочем, на это дело пришлось потратить гораздо больше времени. Когда минул месяц, Раевский совсем забыл о своей обязанности. Жизнь закрутила его своими заботами, как юлу. Более того, когда он вдруг обнаружил анонимное сообщение в почте, то удивился, что оно не стирается. Не стирались спаморезкой только правительственные сообщения,

а тут аноним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.